

0.Дари

#ПРОСТОЖИВИ

О. Дари

#ПростоЖИВИ

«Издательские решения»

Дари О.

#ПростоЖИВИ / О. Дари — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906468-4

#ПростоЖИВИ — это сборник рассказов и стихов о простых людях, их надеждах и чаяниях, о любви, о поиске своего пути и смысла жизни. Если долгие годы вы живете в поисках счастья, боретесь за свои мечты, но, даже достигая их, вместо радости чувствуете бесконечную усталость, а неудовлетворение растет как снежный ком, прочтите эту книгу. Это книга о том, что делает нас счастливыми и несчастными, дарит силы и лишает их, заставляет нас просыпаться каждый день и, засыпая, благодарить жизнь.

ISBN 978-5-44-906468-4

© Дари О.
© Издательские решения

Содержание

Вступление	6
Пустяк	8
Письма надежды	10
Влюбленный жираф	17
Дороги к счастью	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

#ПростоЖИВИ

О. Дари

Редактор Юлия Дворецкая-Федорук

Редактор Любовь Баталова

Дизайнер обложки Евгений Щербин

© О. Дари, 2018

© Евгений Щербин, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-6468-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОТ СЕРДЦА К СЕРДЦУ

*Если устал ты в кольце дорог,
мечтаешь однажды свой путь найти,
Прочти эту книгу и среди строк
#Просто ЖИВИ – ответы ищи.*

Вступление

Несколько слов автора

*С любовью и благодарностью посвящаю эту книгу:
моему замечательному мужу Анатолию,
нашим чудесным дочерям Марии и Анне,
дорогим родителям, нашей большой семье, а также
всем читателям, кто любит жизнь и верит в мечты!*

Приветствую тебя, дорогой друг!

Не удивляйся, пожалуйста, что вот так сразу я называю тебя другом. Я верю, что все неслучайно, и если ты держишь сейчас эту книгу, значит пришла пора нам познакомиться. Надеюсь, мы подружимся.

Помнишь, как легко было в детстве? Произнесешь слова: «А давай дружить!» – и все, можно делиться тайнами, рассказывать истории, приходить в гости и делить одну конфету пополам. В то время жизнь была для нас открытием, ярким калейдоскопом, в котором нам было интересно. Тогда мы еще умели радоваться простым вещам и были счастливы.

Давай дружить! Меня зовут Ольга Ткачева. О. Дари – мой авторский псевдоним. Дарить люблю, особенно живое слово, поддержку и вдохновение.

Хочу открыть тебе мой большой секрет только, чур, никому: «Я ненастоящий писатель». Да-да, не удивляйся, так уж случилось. Я не оканчивала литературный институт и журфак, не училась долго-долго на дорогих писательских курсах и не корпела над трудами известных критиков и литераторов. Моим главным учителем была и остается жизнь.

До сорока лет я вообще не задумывалась о том, что буду писать и издавать книги. Я жила обычной жизнью среднестатистической женщины: семья и работа занимали почти все мое внимание и время. Должна сказать, что у меня неплохо получалось. Подтверждением тому могли служить двадцатилетний стаж уютной семейной жизни и наши любимые талантливые дочери, престижная работа и должность в крупном банке.

Но жизнь часто преподносит нам подарки, на первый взгляд весьма непривлекательные – в виде проблем и кризисов. Так случилось и в моей жизни. В то время бешеный ритм и нагрузка росли как снежный ком, желание все успевать и делать правильно не давали покоя, а силы стремительно таяли. Все чаще мое сердце замирало от тоски, тело болело, а в голове настойчиво звучали мысли: «Зачем? Зачем я пришла в этот мир? И есть ли смысл в том, на что я трачу свою жизнь?».

Знаешь, мне понадобились время и силы, чтобы честно признаться себе – пришла пора начинать сначала. Это было непросто. Казалось, что обострились все болезни разом, сил, чтобы начинать заново, почти не осталось. Четкого понимания, чем буду заниматься, не было. Время тоже работало против меня. Но я осознавала, что продолжать так жить дальше бессмысленно, будет только хуже, и тогда я сделала шаг в никуда.

Иногда даже мне это казалось безумием. Было по-настоящему страшно. Отсутствие определенности и банально денег не давали свободно дышать и жить. Но именно в те мгновения ко мне приходили мысли, рождались строки, появлялось желание писать и делиться пережитым. Рядом со мной появлялись люди, которые поддерживали и верили в меня, складывались обстоятельства, я получала знаки свыше, что мне следует идти вперед, не оглядываясь на прошлое.

С тех пор прошло несколько лет. Я заново училась новой профессии. Училась слышать и принимать себя. А попутно писала, писала, писала – рассказы, стихи, статьи и посты. Так родилась книга #Просто ЖИВИ.

Ты спрашиваешь меня, о чем эта книга? О простых людях, их надеждах и чаяниях, о любви, земной и настоящей, о поиске своего пути и смысла жизни.

Ты спрашиваешь, для кого эта книга? Эта книга для тебя – если долгие годы ты живешь в поисках счастья, борешься за свои мечты, но, даже достигая их, вместо радости чувствуешь бесконечную усталость, а горечь и неудовлетворение растут как снежный ком.

Эта книга для тебя – если твое сердце устало, ты грустишь и не знаешь, где найти опору.

Эта книга для тебя – если ты сомневался в своих дарах и талантах и нуждаешься в поддержке в пути.

И, наконец, если ты счастлив и готов делиться радостью и теплом – прочти эту книгу и подари тому, кто нуждается в добром слове, поддержке и вдохновении.

Друг мой, это простая книга. Она о том, что делает нас счастливыми и несчастными, дарит силы и лишает их, заставляет нас просыпаться каждый день и, засыпая, благодарить жизнь.

*Простые истины – всегда самые важные.
Слова простые – самые главные.
И если жизнь ставит задачи сложные,
Значит, пора пришла узнать ответы нужные.*

*Главные люди – это те, что рядом.
Принимать их непросто, но точно надо.
Самая страшная боль – всегда внутри.
А самая глупая роль – напоказ другим.*

*Страшно, когда плюют не под ноги – в спину.
Горько, когда предают, улыбаясь красиво.
Стыдно – искать в вине истины света.
Глупо, сидя на дне, – винить кого-то.*

*Простые истины – всегда неброские.
Родные души – не ходят толпами.
И если счастье – то всегда по-хорошему.
А если жизнь бьет – то пусть только к лучшему!*

Пустяк

Я буду счастливой! Я точно решила...

Я б раньше решила, но я так спешила...

Она снова опаздывала на работу – спешила. На мокром асфальте нога неуклюже подвернулась, и она упала. Словно в замедленной съемке, она видела, как теряет равновесие, как хватается руками воздух, балансирует и падает.

В первое мгновение она даже не почувствовала боли, только мысль о том, как нелепо она выглядит, предательски всплыла перед глазами. А потом на нее нахлынули разом боль и досада, горечь от постигшей ее неприятности и другие несознаваемые, но малоприятные эмоции.

Она попыталась встать, мысленно обвиняя себя за все разом: за неуклюжесть, за то, что снова опаздывала, и за то, что надела юбку, а не брюки. Вот в брюках она, скорее всего, не упала бы! А если бы и упала, то не разбила бы колено или хотя бы не было заметно, что разбила. Слезы предательски выступили на глазах. Она оглядела себя сверху вниз и с досадой подумала, что теперь придется возвращаться домой. Порванные колготки, кровоточащая рана, испачканная юбка – все показывало на то, хотя внутри еще боролись сомнения: «Может все-таки на работу? Рану можно обмыть и заклеить пластырем, колготки лежат в сумке запасные, юбку сейчас постараюсь оттереть. Зато не нужно отпрашиваться и чувствовать себя нерадивой». Она почти уговорила себя.

– Ну, подумаешь, коленку разбила, тоже мне, пустяк! – говорила она себе, ковляя по дороге на работу и утирая наворачивающиеся слезы.

Мимо нее торопливо прошли молодая женщина и девочка лет пяти. Малышка обернулась и с сочувствием произнесла:

– Мам, смотри, а тетя тоже не хочет на работу. Она домой хочет, как я вчера, помнишь?

Она посмотрела на девочку и поймала ее участливый взгляд. Правое колено малышки было широко забинтовано.

Все мысли разом покинули ее, кроме одной:

– Хочу домой. Я просто хочу домой.

Крупные дождинки посыпались с неба. Она развернулась и тихо побрела в обратную сторону. Шла и смотрела, как капли дождя стремительно стекают в ручейки, как суетливо прячутся под козырьками остановок прохожие и разноцветная галерея зонтиков раскрашивает серое утро.

Она уже никуда не спешила и наслаждалась внезапно нахлынувшим осознанием свободы, с каждым шагом ступала все увереннее и чувствовала манящий вкус перемен.

Знакомая мелодия телефонного звонка прервала ее мысли:

– Алло. Да, это я. Нет, никуда не опаздываю. Послушайте, я хочу вам сказать... – она на мгновение замялась, подбирая нужные слова. – Со мной тут произошел один пустяк. Ну, в общем, я у вас больше не работаю.

Солнечный луч коснулся ее лица, когда она переходила дорогу к скверу. Там, среди зарослей городской сирени, она отмывала свои раны и слушала жизнь.

Просто живи, девочка.

Просто живи!

Просто люби, девочка.

Если даже непросто!

Просто твори, девочка,

*Радость дари!
И не грусти. Знаешь,
жизнь ведь искусство!*

*Просто иди, девочка,
Верь и иди!
Маленький шаг —
он лучше любых оправданий.
Будут сомнения,
встречи, ошибки в пути.
Жизни уроки —
всегда испытания.*

*Просто живи, девочка,
ярко живи!
Пой под дождем
И с луною танцуй обнаженной.
Тени сомнений,
Страх и обиды гони.
Ветреной будь и по жизни
немножко влюбленной...*

Письма надежды

*Слова могут ранить и даже убить
любовь или веру в чудо.
Слова могут многое изменить —
и жизни спасти, и в сердца вдохнуть
надежду, что новый укажет путь
и веру воскресит в чудо...*

Данута живет в большом городе вместе с родителями и кошкой Брыськой. Вообще-то сперва кошку знали Быся, но от постоянного обращения к ней не иначе как «брысь» за ней закрепилось стойкое Брыся.

В свои пять с небольшим хвостиком лет Данута, кроме редкого имени, которым ее одарили родители, имела весьма необычную внешность. Подвижная, с длинными ручками и худенькими ножками, она не могла долго усидеть на одном месте. Ее живое лицо и большие зеленые глаза в песочную крапинку в одну минуту выдавали множество совершенно разных эмоций, а вьющиеся волосы цвета спелой ржи непослушно торчали в разные стороны, из-за чего ее голова была похожа на пушистый одуванчик.

Кроме запоминающейся внешности, девочка отличалась чрезмерным любопытством. Вопросы сыпались из ее уст, как из рога изобилия. Порой казалось, что «почему, зачем и как» рождаются в ее голове быстрее, чем она успевает получать ответы. А интересовало ее практически все.

– Мама, а почему облака плывут так быстро?

– Потому что их гонит ветер.

– А куда он их гонит? А что они там будут делать? Там их дом? – тараторила Данута.

– Нет, у облаков нет дома. Они путешествуют по небу и перевозят дождик.

– Дождь, значит, сейчас пойдет дождь? Вон в том большом облаке, наверное, целая бочка водички. А кто ее туда заливает?

– Куда заливает, доченька? – с недоумением спросила мама.

– Как куда? В облака, ты же сама сказала.

Мама беспомощно вздохнула и, продолжая нарезать салат, задумалась о чем-то своем.

– Мам, а почему у огурчиков есть колючие пупырышки, а у помидорок нет?

Вопросы дочки нередко ставили родителей в тупик, и, чтобы ничего не придумывать и судорожно не искать ответ, они частенько шли на хитрость. Прибегла к ней мама и в этот раз:

– О, это интересный вопрос, а как ты сама считаешь, почему?

На мгновение Данута затихала, а потом глаза ее загорались и, многозначительно их округлив, маленькая плутовка уверенно выдавала:

– Мамочка, ну как же ты *такое* не знаешь? Это же так просто! Огурчики – они же такие вкусные, все их кушать хотят, вот они и защищаются своими колючками. А помидоры, когда зеленые, – они невкусные, их никто не хочет кушать, и им становится грустно, что они никому не нужны. Они сидят на ветках и злятся, а от злости краснеют. Ты же сама когда-то говорила про папу, что он аж покраснел от злости.

– Да? Только я, по-моему, говорила, что он позеленел, а не покраснел. Ну да неважно, – ответила мама, с трудом сдерживая улыбку.

Все домашние уже привыкли к бесконечным вопросам Дануты. Бабушка, папина мама, вообще считала, что ребенок такой, потому что ей имя неправильное дали.

– Ну что это за имя – Да? Ну? Так? Не имя, а одни вопросительные знаки. Девочка теперь всю жизнь будет любопытной, а вы мучайтесь, – любила повторять она невестке.

– А мы вовсе и не мучаемся, – бодро отвечала та, хотя иногда сомнения все-таки бредили ее сердце.

– Ну-ну, посмотрим, – театрально вздыхала бабушка и механическим движением поправила непослушные кудри на голове внучки.

С некоторых пор Данута интуитивно чувствовала, когда терпение взрослых заканчивалось и вместо ответов она могла, как говорил папа: «Попасть в немилость». Немилостью для нее был одинокий стол и коробка с карандашами или того хуже – уборка игрушек.

Вот и сегодня, после того как Данута спросила: «Долго ли мама еще будет разговаривать по телефону?», мама рассердилась и отправила ее в комнату собирать игрушки. Девочка обиделась и решила не разговаривать с ней, по крайней мере пока не вырастет.

Перспектива собирать игрушки ее совсем не привлекала, а когда она увидела, что Брыся катает по полу мяч, то возмущению ее не было предела.

– Как же так, разбрасывают все, а убирать мне одной? – громко возмутилась она, имея в виду притихшую кошку.

Девочка обижено подошла к окну и стала дышать на стекло, пока оно не затуманилось.

На улице шел снег. Плотными хлопьями он неспешно падал и укутывал мерзлую землю. Данута нарисовала пальчиком на окне фигурку человечка, а потом пририсовала ему крылышки. Она стояла и любовалась своим творением – летящим ангелом, когда в комнату заглянула мама и бодро произнесла:

– Даня, быстренько надевай брюки и свитер. Побудешь у бабушки Лоры, а я поеду по делам.

Данута сперва хотела возмутиться, что ее не берут с собой, но посмотрела на разбросанные по полу игрушки и решила молчать.

– К Лоре так к Лоре, – наигранно вздохнула она, хотя на самом деле любила проводить время с этой чудной бабушкой.

Лора была для девочки скорее подружкой, чем няней. Они могли часами разговаривать, и, пожалуй, она была единственным человеком, которому не надоедало отвечать на бесконечные вопросы Дануты. Так сложилось, что своих детей у бабушки Лоры не было. Даня, конечно, выпросила «почему?» и знала, что в юности Лора любила одного парня, который трагически погиб, спасая людей из огня. Всю тяжесть этой жизненной драмы Данута, безусловно, оценить не могла, но для себя решила, что все-таки очень сильно любить не стоит.

Бабушка Лора, в свою очередь, любила маленькую любопытную девочку за ее искренность и непосредственность, живой пылкий ум и доброе сердце.

Познакомились они, как это часто бывает, благодаря внезапно возникшей проблеме. В первый год посещения детского сада Данута часто и подолгу болела. Ее родные бабушки не торопились оставлять работу, чтобы присматривать за внучкой, а молодая мама разрывалась между работой и болеющей дочкой. Однажды соседка подсказала, что рядом живет женщина, в прошлом учительница, с которой можно договориться, чтобы она присматривала за девочкой, пока та болеет или остается одна. Вопрос решился быстро. С тех пор Данута и Лора подружились и много времени проводили вместе.

На самом деле бабушку Лору звали Лариса Ярославовна, но маленькому ребенку выговаривать такое сочетание было сложно, и тогда решили, что девочка будет звать ее бабушка Лора.

В будние или в выходные дни Лора всегда ждала свою маленькую собеседницу. Они постоянно вместе чем-то занимались: пекли пирожки с капустой и джемом, а потом угощали всех соседей, рассматривали толстые книги с картинками и альбомы со старыми фотографиями, рисовали акварелью, клеили, шили и писали письма. Да-да, не удивляйтесь. Лора часто писала письма, а Данута сидела рядом и расспрашивала ее о людях, которым они предназначались.

Бабушка Лора называла эти письма «письмами надежды». Каждый раз, когда она говорила: «Сегодня будем писать „письмо надежды“», Данута знала, что ее ждет рассказ о жизни необыкновенного человека. Адресаты писем бабушки Лоры почему-то всегда были именно такими – необыкновенными.

Они отправляли письма в Москву и Санкт-Петербург, в Самару и Улан-Уде, в Нижний-Новгород и Торонто, в Яффу и Мюнхен, но чаще письма отсылались недалеко, адресаты жили с ними в одном городе.

Всю трудовую жизнь Лариса Ярославовна проработала в школе учителем русского языка и литературы. Она любила свое дело и учеников. Не жалея времени и сил, вкладывала в их головы и души свои мысли и знания. Вместе с ними переживала неудачи и радовалась успехам, поддерживала их и старалась видеть в каждом особенное, что выделяло этого человека. За долгие годы со многими учениками у нее завязались теплые дружеские отношения.

Поначалу после школы они разлетались и, увлекаемые жизнью, происходящими событиями, забывали о ней. Но проходили годы, она сама старалась поддерживать с ними связь, поздравляла с днем рождения, со свадьбой и рождением детей. А потом, потом они начинали отвечать на ее письма, и завязывалась переписка. Далеко не всех жизнь баловала, и тогда совет доброй учительницы, человека, которого они искренне уважали, приходился как нельзя кстати.

Письма надежды были той ниточкой, которая продолжала связывать ее с учениками, давала ей силы и смысл в жизни.

– Сегодня получила письмо от Миши Гольберга. Помнишь, я тебе о нем рассказывала? – уточняла она у Дануты. – Невероятно талантливый был молодой человек. Он знал физику и математику лучше наших учителей, они его за это недолюбливали. Семнадцать лет назад он переехал в Америку, неплохо устроился, но никак не мог жениться. Я ему говорила, чтобы он не просиживал все время в своей лаборатории – там ведь жены не водятся. И что ты думаешь, он написал мне, что скоро женится и получает сразу жену и дочь. А ведь не верил, говорил, что в сорок пять лет уже не женятся. Сейчас он, правда, уже не Мишка, а господин Майкл, но какая разница? Главное, что теперь ему будет с кем встречать старость.

– Бабушка Лора, а что вы ему напишете, раз у него все хорошо? Ведь теперь ему уже не нужна «надежда»?

– Что ты, моя дорогая! Когда все хорошо, писать надо не меньше, чем когда плохо! Ведь нам всегда хочется разделить радость с близким человеком.

Она замолчала и задумалась о чем-то, а Данута продолжала расспросы:

– Значит, вы напишете о том, как вы рады, что у него все хорошо, и пригласите его в гости?

– Ну и это, конечно, тоже. Но все-таки главное, о чем я ему напишу, будет немного о другом.

– Интересненько, а о чем?

Бабушка Лора вздохнула и с улыбкой продолжила:

– Напишу о том, что сохранить отношения порой гораздо сложнее, чем найти. И что он должен быть внимателен к чувствам тех, кто рядом.

– Это как? – не унималась Данута.

– Понимаешь, милая, мы хорошо чувствуем, когда нам больно, когда мы обижены или разочарованы. Но важно научиться слышать другого и понимать, что он чувствует. А переживания даже самых близких людей могут быть скрыты внутри.

– Не понимаю, зачем прятать свои чувства?

– Затем, что нам страшно выглядеть слабыми, глупыми, ненужными. Мы боимся и поэтому стараемся не показывать свои чувства. А когда мы что-то скрываем, то невольно огорчаемся и грустим или сердимся, а в итоге плохо и то, и другое.

Данута не всегда понимала рассуждения бабушки Лоры, и тогда она расспрашивала ее снова и снова, пока ей не становилось все понятно или же ее просто переставал волновать этот вопрос.

– Получается, что человек сначала женится, радуется, а потом они ссорятся и жалеют, что поженились?

– Иногда бывает и так. Но чтобы не судить поспешно и не сожалеть о сделанном, нужно разговаривать, объяснять свои поступки, говорить о своих чувствах. А еще нужно учиться видеть хорошее в другом человеке. Это довольно сложно – не обращать внимания на промахи и слабости, а стараться замечать хорошие стороны.

– А если их нет?

– Ну как же? В любом из нас есть хорошее и плохое. Это как день и ночь. Важно то, что мы стараемся замечать.

– Ну а если плохого больше? – с сомнением спросила Данута.

– Это значит, что мы просто еще не научились видеть хорошее. Ну или ты поступил совсем глупо, когда женился, а значит, сам и виноват, – произнесла Лора и легонько потрепала девочку по задорным кудряшкам.

– А почему это я должна искать что-то хорошее? – разгорячилась не на шутку Данута. – Пусть он тоже ищет хорошее, пусть он увидит, какая я хорошая.

– Так я ведь и говорю, что оба должны искать и учиться, – с улыбкой ответила учительница.

– И вообще, почему все время нужно учиться? Разве нельзя раз и навсегда все узнать, а потом только жить-поживать?

– Ну, жить-поживать, конечно, можно и даже нужно, только ведь жизнь так устроена, что, как только мы останавливаемся и перестаем учиться чему-нибудь новому, нам становится неинтересно жить.

– А вот и неправда, – радостно произнесла Данута, – я вот не учила сейчас ничего, и мне очень даже интересно.

– Разве? – с улыбкой спросила девочку Лора. – А кто мне задает столько вопросов, кто пытается понять «что, почему и как?».

– Ну это же не учеба! Это мне так, просто интересно, – затянула девочка.

– На самом деле это и есть настоящая учеба. Тебе интересно, поэтому ты торопишься узнать еще больше.

– А в школе тоже так будут учить? – Данута вопросительно посмотрела на учительницу.

Лора на минутку задумалась, а потом продолжила:

– Скорее всего, в школе вас будут учить другому. Тому, о чем вы сможете прочесть в книгах и разобраться сможете сами.

– Хм, а зачем же мне тогда учиться в школе? Читать я умею, писать тоже. Лучше я тогда с вами буду учиться.

Учительница звонко засмеялась.

– Так ты и так со мной! Понимаешь, милая, в школе вы не только пишете, читаете и изучаете новое. Вы учитесь общаться, решать такие сложные задачи, как «нравится – не нравится» и что с этим делать; быть или казаться; стараться или не стараться; какой делать выбор; с кем дружить, чем увлекаться. И еще много уроков, кроме школьных предметов вы проходите.

– Но это же так долго! Зачем целых десять лет учить одно и то же?

– Поверь мне, что долго только первые несколько лет, а потом ты не успеешь заметить, как все закончится и начнется новая учеба.

– Как? Еще учиться? – изумленно спросила девочка.

– Ну, я же говорила, что ты будешь учиться всегда. По крайней мере, пока живешь. Только ты сама решаешь, будет тебе интересно или нет. Будешь ты жить так или иначе.

Данута не дослушала ее до конца и начала громко провозглашать:

– Я буду жить интересно! Буду смотреть мультики, сколько захочу, и играть в компьютер. Буду читать, рисовать, писать с тобой письма, ходить по лужам, накоплю конфет и буду раздавать всем, у кого плохое настроение или кто болеет, – она выдохнула, внимательно посмотрела на бабушку Лору и продолжила: – А еще я, как ты, буду учить детей или лечить, – она на мгновение задумалась и спросила: – А можно так, чтобы сразу учить и лечить?

Глаза пожилой учительницы светились любовью, она смотрела на девочку и улыбалась.

– Конечно, можно. Только вначале тебе придется выбрать и изучить что-то одно. А после ты уже сможешь и учить и немножко лечить или, наоборот, лечить и по ходу дела учить. Главное, чтобы ты сама этого сильно хотела.

– Получается, что когда я вырасту, мне можно будет все, что я захочу?

– Ну, я бы сказала так: для тебя будет возможно все, о чем ты искренне пожелаешь, чего захочешь всем сердцем и к чему будешь прилагать усилия.

– По-вашему получается, что если я сильно-сильно захочу, чтобы люди научились летать, то они научатся летать? – лукаво спросила девочка.

– Совершенно верно. Только это не «по-моему», а потому что так устроен мир. Но только захотеть – этого мало. Ты должна думать об этом, представлять, как это сделать. Ты должна быть первой, кто полетит, а потом научит других людей летать, – учительница внимательно посмотрела на Дануту, а потом, переведя взгляд на часы, заторопилась: – Пора обедать, а после мы все-таки напишем с тобой письмо Мишеньке Гольбергу.

Много дней и вечеров они проводили за неспешными разговорами и своими важными делами. Порой казалось, что между ними нет семидесяти лет разницы, так заразительно они смеялись, шутили, делились друг с другом своими мыслями и переживаниями.

Однажды утром мама вошла в комнату Дануты, села рядом с ней на кровать и стала ласково гладить по голове. Девочка тихонько лежала, притворяясь спящей, чтобы продлить приятные мгновения.

– Доченька, просыпайся.

Данута открыла глаза и улыбнулась.

– Данечка, сегодня мы отвезем тебя к бабушке Лене, она побудет с тобой, а потом мы приедем и заберем тебя домой.

– А почему к бабушке Лене? Мы с бабушкой Лорой собирались печь пирог с малиновым вареньем и дочитать «Пеппи Длинныйчулок». Mamочка, я совсем не хочу к бабушке Лене, давай лучше к Лоре, – заканючила девочка.

– Понимаешь, милая, бабушка Лора заболела, и ее увезли в больницу.

Данута мгновенно села на кровати, задумалась, а потом скороговоркой сказала:

– Тем более мы должны поехать к ней в больницу, она же будет нас ждать! А еще я должна ей приготовить подарок, написать письмо. Mamочка, когда мы к ней поедem?

– Доченька, понимаешь, она себя очень плохо чувствует, и к ней никого не пускают.

– Мама, это же так плохо, – огорченно произнесла девочка и сразу как-то сникла.

Мама тяжело вздохнула и стала помогать ей одеваться.

Каждый день Данута спрашивала, как себя чувствует бабушка Лора, но родители почему-то никак не соглашались проведать ее в больнице. Даже поговорить с ней по телефону не разрешали. Однажды она случайно подслушала их разговор:

– Ты должна ей все рассказать. Данька умная и настойчивая девчонка, еще немного – и она не выдержит и чего доброго сама поедет искать больницу, где якобы лежит бабушка Лора, – шептал отец.

– Ну как ты не понимаешь? Не могу я ей сказать, что она умерла. Она же ее так любит!

– Вот поэтому мы должны быть честными с ней. Сколько еще ты думаешь ее обманывать?

– Я не знаю, как ей сказать! У меня сердце разрывается, когда я представляю, какое горе это будет для Даньки.

– У тебя есть письмо, которое Лора оставила Дане. Прочти ей, она должна знать правду.

Данута открыла дверь в комнату и остановилась в дверях, растерянно глядя на родителей. В ее широко распахнутых глазах читались обида и боль.

Мама подошла к дочке, крепко прижала ее к себе и, зарывшись лицом в макушку пахнущих ромашкой волос, заплакала.

Несколько месяцев подряд перед сном мама читала Дануте письмо, которое ей оставила ее любимая бабушка Лора. Последнее письмо в жизни учительницы и первое в жизни Дануты.

«Дорогая моя девочка, моя ненаглядная Данута, мне очень горько расставаться с тобой, но так устроена жизнь: кто-то приходит в этот мир, а кто-то уходит, чтобы поселиться в другом невидимом нам мире. Пришло мое время уходить. Девочка моя, пожалуйста, не грусти.

Я хочу открыть тебе один секрет. Когда тебе нужна будет моя помощь – я всегда буду рядом с тобой. Когда ты будешь радоваться и ликовать – я буду радоваться вместе с тобой. Если тебя будут тревожить сомнения – я буду рядом и смогу тебе помочь, тебе всего лишь нужно будет взять бумагу и ручку и написать мне пару строк. Ты будешь писать и чувствовать мои мысли. Я не смогу с тобой разговаривать, как прежде, но я, как прежде, буду рядом с тобой.

Моя дорогая, я оставляю тебе самое ценное, что я накопила за всю жизнь, – мои письма. В них вся моя жизнь с раннего детства и до моего ухода. В минуты, когда мне было особенно трудно, они укрепляли во мне веру, вселяли надежду и наполняли мое сердце любовью.

Данута, напоследок я прошу тебя об одной услуге: ответь, пожалуйста, на все письма, которые придут после моего ухода и напиши каждому, что он очень дорог мне и что теперь я прошу их писать тебе. Надежда должна продолжать жить.

Дорогая моя девочка, в любое время всегда помни о том, что ответы на все вопросы хранятся у тебя внутри, в сердце. Будь счастлива! Дари надежду и помни о том, что моя любовь всегда будет с тобой».

*«Печали вечной в мире нет,
И нет тоски неизлечимой...»
Изрек писатель и поэт
Признав, что горе часто мнимо.*

*Мы забываем быть собой
И, следуя за чьей-то тенью,
Теряем радость и покой
И прячем боль свою за ленью.*

*Печали вечной в мире нет,
Как нет и радости безмерной.
И прав, конечно, был поэт,
Все в наших душах, несомненно.*

*Тоска развеется, и грусть
В душе негромко отзовется,
Все отданное к нам вернется
И в жизненный вольется путь.*

Влюбленный жираф

*У мироздания есть особые пути,
Их не нарушить, не объехать, не пройти...
Улыбка Бога – мистер Случай и судьба —
Меняет карты с дурака вдруг на туза...*

Весна в этом году не торопилась. С утра небо было затянуто тяжелыми тучами, а к вечеру пошел мелкий промозглый дождь. В такую погоду хочется спрятаться дома под теплым пледом или в уютном кафе в обнимку с чашкой ароматного чая. Я шла по проспекту и с трудом сдерживала слезы, не замечая ни дождя, ни холода. Обида и злость душили меня.

– Нет, ну вы только подумайте, я сдала все отчеты вовремя, отчиталась перед главным офисом без задержек и доработок! Помогала ей писать дурацкие докладные о перерасходе бюджета, чтобы отдел не лишили премии, а ее – теплого места! А сегодня, когда попросила повысить надбавку, унижалась, рассказывала, что денег не хватает, что Юльке нужны новые сапоги и теплая куртка, она снисходительно слушала меня, вздыхала, а потом дала феноменальный совет – завести любовника или взять подработку. Просто неслыханная наглость – любовника завести! Эх, дорогая Эльза Петровна, не судите всех по себе. Может быть, вы и строили так свою жизнь, – расплылась я, мысленно высказывая начальнице все, что накопилось внутри. – Но ваши советы не всем подходят.

– Боже, какая мерзость, дожила, опустила до сплетен и пересудов. И какую подработку я, извините, могу найти, если у меня и так ненормированный график, раньше полседьмого с работы не уйду, да и домой частенько беру ваши мелкие задания, над которыми потом сижу полночи. Нет, все! Хватит с меня! Завтра же начну искать другую работу. А вы ищите себе другую дурочку. Правильно Алена говорит, что я дура, которая себя не ценит, поэтому на мне и ездят все кому не лень. И раз я сама себя ни в грош не ставлю, то и другим нет дела до моих проблем. Нет, ну вы только подумайте – какая глупость рубить сук, на котором она же удобно сидит!

Состояние мое было хуже некуда. Набрала номер Юльки. Она бодрым голосом отрапортовала, что поела суп с бутербродом и делает уроки. Я слушала, и раздражение мое таяло. Господи, спасибо тебе за чудесную дочь! Ей только восемь, а она вполне самостоятельная и не боится по вечерам оставаться одна дома. А задерживаюсь я в последнее время часто. Нет, определенно нужно что-то менять. Жизнь сама меня к этому подталкивает, раз я такая непонятливая.

Пообещав себе завтра же составить и разослать резюме, я почувствовала, как сильно замерзла. Сапоги насквозь промокли, пальцы на руках и ногах околели.

– Не хватало еще заболеть и растратить последние деньги на лекарства. Больничный все равно не оплатят, так что придется больной тягаться на работу.

С этой мыслью я решительно направилась в кафе выпить имбирного чая с медом и согреться.

Телефон зазвонил как раз в тот момент, когда я остановилась у дверей. Пока я пыталась отыскать его в необъятном пространстве сумки, дверь распахнулась, и на меня в буквальном смысле налетел мужчина, обдав с ног до головы ароматным кофе из пластикового стаканчика. Я оцепенела, а мой весело звенящий телефон выскользнул из замерзших рук и поскакал по асфальту. От груди до подола моего светло голубого пуховика растянулось грязно-коричневое пятно.словно рыба, выброшенная на берег, я не могла ничего произнести и только хва-

тала воздух губами. Вид у мужчины был не лучше моего. Правда, на его темном пальто пятна не были заметны, но выражение лица было соответствующим – смесь оцепенения и испуга.

Телефон продолжал настойчиво трезвонить. Мужчина бросился его поднимать, а у меня в голове пронеслось, что только мама может так настойчиво звонить. Как ни странно, эта мысль вывела меня из оцепенения.

– Вы что? Куда вы смотрели? Что за день такой дурацкий? – выпалила я зло, с досадой рассматривая себя.

Нажав отбой, я сунула трубку в карман и со злостью рванула ручку двери. Валдайские колокольчики задорно поприветствовали нового посетителя, но мне было совсем не до веселья.

У стойки администратора я увидела миловидную девушку с мастерски скрученной в огромную гульку копной дредов. Выслушав мой сбивчивый рассказ и не снимая голливудской улыбки с лица, она проводила меня к свободному столику, а сама куда-то унесла мое пальто.

В кафе было тепло. На столиках в разноцветных стеклянных подсвечниках танцевали огоньки свечей. Терпкий запах кофе, смешиваясь с ароматом корицы, ванили и каких-то неведомых мне специй, успокаивал. Мне захотелось спрятаться здесь в укромном уголке и замереть, прислушиваясь к запахам и звукам. Я расположилась у окна за небольшим столиком для двоих. Мне нравилось это маленькое уютное кафе, каждый его уголок был отделан с любовью. Мебель из натурального дерева теплых медовых тонов дополняли мягкие гобеленовые подушки, примостившиеся на креслах и диванчиках. Воздушные кружевные шторы, перехваченные атласными ленами, словно стыдливые невесты под вуалью, приковывали взгляд к окнам. На стенах в стильных паспарту висели акварели, от которых трудно было отвести взгляд. Они завораживали своими необыкновенными сюжетами и плавно перетекающими линиями.

Передумав пить полезный имбирный чай, я заказала капучино и вишневый штрудель. Ну и пусть сегодня четвертая чашка кофе! Нельзя же сравнивать свежемолотый Лавацца с густой пенкой и карамельным сердечком внутри с заваренным по-быстрому кофе в чашке.

Сделав заказ, я смотрела сквозь кружевную вуаль на торопливо снующих прохожих и думала о том, что теперь придется сдавать пальто в химчистку и ходить в легкой куртке. Ну да ладно, весне давно пора заглянуть в наши края, как-никак конец марта. Немного успокоившись, я решила позвонить маме, но вспомнила, что телефон остался в пальто.

– Значит, пообщаемся позже, – произнесла я и с предвкушением стала разглядывать рисунок в чашке кофе, который подала официант.

Совершенно неожиданно для меня бариста изобразил маленького ангела. Парящая фигурка слегка подрагивала крылышками на легком облаке молочной пенки. Это выглядело так трогательно! Жаль было разрушить такую красоту. Я любовалась и не заметила, что к моему столику подошли.

Негромкий кашель привлек мое внимание. Я подняла глаза и увидела рядом мужчину, который облил меня кофе. В руках он держал букет нежно-розовых тюльпанов, перевязанный шелковой лентой. Его внезапное появление меня смутило. Хотелось побыть одной, да и в целом настроение сейчас не располагало к общению с незнакомцами. Но сегодня абсолютно все складывалось не так, как я планировала.

Прочтя на моем лице досаду и недовольство, мужчина замялся, не зная, с чего начать разговор.

В полумраке кафе его высокая фигура с букетом в руках отбрасывала длинную тень на стену. Он был похож на великана, склонившегося в поклоне. Меня позабавил этот образ, и, указывая ему на свободный стул, я со вздохом произнесла:

– Да садитесь уж. Кофе, как я понимаю, вам так и не удалось выпить? Да и мой сейчас остынет. Так что заказывайте, и давайте знакомиться.

То ли букет тюльпанов поднял мне настроение, то ли кофейный ангел, но в тот момент мне захотелось просто расслабиться и наслаждаться кофе.

Мужчина запоздало протянул мне букет и стал сбивчиво объяснять, что он совершенно случайно не заметил меня.

Пытаясь разрядить обстановку, я скорбным голосом произнесла:

– Поделом мне. Нечего у дверей топтаться и копаться в сумке полчаса. Давно пора выбросить все ненужное. Так что извинения принимаются.

– А пальто? Я подумал, что вы расстроились из-за пальто, – сказал он, виновато улыбаясь.

– Пальто придется сдавать в чистку, но это мелочь. Его и так после зимы нужно туда нести, неделей раньше или позже – подумаешь беда. Давайте знакомиться. Меня зовут Ксения, а вас?

– Иван. Иван Домин. Я архитектор, работаю в частном проектном бюро «Строим на века», – бойко отрапортовал он и почему-то в смущении стал разглядывать свои руки.

– Очень приятно, Иван. Вы прямо мне всю трудовую жизнь рассказали. А что замолчали, как на личном фронте? – я вошла в кураж, меня несло, но останавливаться не хотелось.

– В каком смысле на личном? – его пронзительный взгляд заставил меня поубавить пыл.

– Давайте, закажите себе что-нибудь. Или вы торопитесь? Вы же куда-то торопились, когда окатили меня кофе?

Сидя напротив, я наблюдала, как в стеклах его стильных очков отражались огоньки свечи и понемногу расслаблялось его лицо. Официантка поставила цветы в вазу и замерла в ожидании заказа.

– Пожалуйста, американо с двойным сахаром.

Смерив его опытным взглядом и заглядывая ему в глаза, она произнесла елейным голосом:

– У нас сегодня фирменный пирог «Пьяная клюква», рекомендую. Все, кто его пробовал, возвращаются к нам снова.

Она сказала это так сладко, словно не пирог ему предлагала, а жаркую ночь. И без того взвинченная сегодняшними событиями, я еле сдержалась, чтобы не наговорить ей гадостей, тем более что мне никто фирменный пирог не предлагал. Глубоко вздохнув, я отвернулась к окну и, услышав слова моего спутника, невольно улыбнулась.

– Благодарю за предложение, но на десерт у нас сегодня приятная беседа. Поверьте, в нынешнее время это ценнее любого кулинарного шедевра, – и, обратившись ко мне, он спросил, не хочу ли я в дополнение к штурделю попробовать кусочек фирменного пирога.

Наверное, из-за своей вредности я категорично замотала головой, всем видом показывая, что меня десертом не купишь.

Официантка разочарованно удалилась, а мы сидели и улыбались, как нашкодившие дети.

Иван оказался приятным собеседником, внимательно слушал и легко поддерживал беседу. Словно со случайным попутчиком в поезде, я делилась с ним своими мыслями, рассказывала о работе, нескромно хвасталась успехами Юльки.

Мы снова вспоминали нашу необычную встречу. Я описывала в красках выражение его лица и свои ощущения, а он дополнял мои слова короткими репликами. Вспоминая эту нелепую сцену, мы не могли сдержаться и громко смеялись.

– Ксения, а вы знаете, что означает слово «случайно»? – заговорщицки спросил Иван.

– Ну, думаю, что случайно – это значит не загадывая, не планируя заранее. Как-то так, – неуверенно произнесла я.

– Верно. Но я имею в виду несколько иное. Знаете, я люблю докапываться до сути вещей, так сказать, смотреть в корень, понимать глубину, основу. А у славянского языка глубокая, сильная основа. К сожалению, многие слова дошли до нас в искаженном виде, а некоторые даже приобрели противоположное значение или вовсе потеряли смысл. Но этимология слова

«случайно» известна. Послушайте, – он медленно и четко произнес: – «С луча Бога», то есть с Божьей подачи.

Он внимательно смотрел на меня, словно проверял, насколько серьезно я воспринимаю сказанное им. Я сама часто задумывалась над значением некоторых слов и поражалась их лаконичности и понятийному смыслу.

– Очень интересно. Это же совершенно меняет дело! Все, что происходит якобы случайно, на самом деле послано нам свыше, так?

– Все верно. А вот еще одно интересное слово, которое трудно понять, но когда смысл проясняется, многое становится на свои места. Это слово «зависть». На первый взгляд, можно подумать, что означает оно «зависеть от чего-либо». И вроде бы все верно – мы становимся заложниками чувств и мыслей, когда завидуем. Но на самом деле это слово намного интереснее и глубже. В нем заложена идея, которая переворачивает наше представление, и вроде бы негативное чувство «завидовать кому-то или чему-то» может стать нашим союзником, проводником.

– Иван, да не томите же меня, рассказывайте! Самой мне ничего, кроме как «завидовать» от слова «зависеть», не приходит на ум, – проговорила я в нетерпении.

Загадочно улыбаясь, он внимательно посмотрел на меня и медленно произнес:

– Слушайте: «заведомо есть». Мы завидуем чему-то не просто так. Зависть возникает как указатель, что в нас это уже заложено и нужно стремиться раскрыть этот потенциал. Вот я никогда не хотел быть космонавтом, не завидовал выдающимся спортсменам, зато с детства завидовал тем, кто умеет рисовать, чертить, восхищался своим дедом – к нему все шли за советом, какой лучше строить дом. У меня тогда не было особых талантов, но внутри возникало не приятное чувство зависти. Именно оно указывало, в какой области мне нужно развивать свои умения. А вы чему завидуете или кому?

Я задумалась. Это была незнакомая для меня трактовка слова. Зависть никогда не ассоциировалось у меня с чем-то хорошим. А тут она приобретала совсем иной смысл.

– Знаете, я завидую свободным людям. Тем, кто не зависит от других, от обстоятельств, рабочих графиков, зарплаты. В общем, я завидую, отчаянно завидую всем, кто свободно распоряжается своей жизнью. Для меня свобода быть собой и жить своей жизнью – это мечта, которую я пока не представляю, как достичь, – проговорила я, еще больше осознавая свою несвободу.

– Ксения, ну это совсем просто. Давайте вместе разбираться. Итак, слово «свобода». Вы сказали, что свободный человек не зависит от обстоятельств и людей. А что отличает свободного от несвободного, как вы думаете?

Его глаза излучали тепло, на губах играла довольная улыбка. Он выглядел, словно ребенок, который радуется своему первому самостоятельно прочтенному или написанному слову.

– Мне кажется, Иван, что только человек, который имеет какой-то талант, особое умение, может не зависеть от внешних обстоятельств, начальников и графиков. Он знает, как использовать свой дар, чтобы прокормить себя и семью, и, наверное, это позволяет ему быть свободным, – неуверенно произнесла я, поражаясь, к чему привели меня мои размышления.

Я видела, как он воодушевлен, и понимала, что мои слова близки к истине, но до конца самостоятельно не могла разобраться. Он поддержал меня и продолжил:

– Вы на правильном пути. Все именно так и есть. Слово «Сво – Бо – Да» на самом деле – не что иное, как призыв «оСВОй БОжий ДАр», и будет тебе счастье.

Я не могла поверить, что все так просто. Поразительно, а ведь раньше я совсем не задумывалась о том, что стоит за этими словами. Видя мое замешательство и восхищение, он довольно улыбнулся.

– Иван, пожалуйста, еще одно, последнее, слово, и я к вам больше не буду приставать, – произнесла я и замолчала.

Значение этого слова было ясно для всех, но вот его глубинную основу мне хотелось узнать. Опасалась я только, чтобы он не принял мой вопрос за некий намек, поэтому медлила.

– Ну, что же вы молчите? Или сами пытаетесь разобраться? – заинтересованно спросил он.

Я глубоко вздохнула и выпалила, словно бросилась в омут с головой:

– Это слово «любовь». Его так часто произносят, что оно потеряло свой сакральный смысл. Да и само слово настолько многогранно! Любить можно мужчину, женщину, ребенка, мать, отца, место, где родился, свое дело, в конце концов. Да мало ли что можно любить! Вернее, очень многое можно любить, но ведь слово-то одно, смысл один, а понятия ого какие разные! – я внимательно посмотрела ему в глаза, пытаюсь уловить, правильно ли он меня понял.

По его слегка прищуренному взгляду я понимала, что мой вопрос не застал его врасплох и что ответ ему известен. Но Иван не торопился говорить. Он задумчиво смотрел в окно, словно пытался подобрать правильные слова.

Вечерние сумерки мягко накрывали город покрывалом темноты. Свет фонарей, отражаясь в лужах, танцевал в такт дыханию ветра. Я тоже посмотрела в окно и задумалась о том, что всего пару часов назад я чувствовала себя оскорбленной неудачницей, а теперь сижу в уютном кафе, смеюсь и совсем не хочу, чтобы этот вечер заканчивался.

Наконец он заговорил. В его голосе я уловила какие-то особенно торжественные нотки:

– «Любовь» – древнее священное слово, которое может сделать человека счастливым, может придать смысл и ценность всей его жизни, даже страданиям и смерти. Любовь и страх – две основные энергии, которые испокон веков движут людьми. Любовь – это энергия, энергия направленного действия. Поэтому любовь так трудно удержать, она всегда в движении. И именно поэтому важно понимать, что стоит за этим словом. Это поможет найти и сохранить любовь. Сейчас довольно много суррогата, а все потому, что мы, по сути, не понимаем, что есть «любовь». А как можно удержать то, что не знаешь? – видя мое замешательство, он продолжил говорить еще более горячо, словно опасался, что я разочаруюсь или не поверю ему: – Слово «любовь» означает «ЛЮди БОга Ведают». Это стремление познать и понять замысел Бога через других людей, события, совместные дела. Вот поэтому мы одним словом «люблю» называем и отношения с близким человеком и наше отношение к чему-то дорогому и приятному, даже к кофе, например, – продолжил он, показывая на пустую чашку.

Он высказался и замолчал. Я понимала, а скорее чувствовала, что он абсолютно прав, но больше всего меня поразило, с каким трепетом и серьезностью он говорил об этом.

Не успев додумать эту мысль, я услышала знакомую мелодию звонка. Девушка с дредами танцующей походкой подала мне пальто, в кармане которого трезвонил телефон. Снова звонила мама.

– Да, мам, привет. Все нормально. Извини, не могла раньше ответить. Да и перезвонить тоже не могла. Нет, ничего не случилось. Ничего я от тебя не скрываю. Да, я знаю, что Юлька снова дома одна. Мама, пожалуйста, давай об этом после поговорим. Я понимаю, что ты о нас беспокоишься. Да, я тоже считаю, что мне нужно что-то менять в жизни и поэтому решила сменить работу. Нет, еще не уволилась. Мам, давай я тебя позже наберу. Да, я не перебиваю тебя, просто мне сейчас неудобно разговаривать. Обязательно наберу тебя. Все. Целую. Пока.

Закончив разговор и положив телефон в сумку, я посмотрела на Ивана. Улыбаясь, он поднял руки вверх, своим жестом демонстрируя факт, что с мамой спорить бесполезно.

Разговор с мамой вернул меня в реальность. Каким бы приятным ни был вечер, пора было возвращаться домой. Мне стало стыдно перед дочкой, что я не тороплюсь к ней.

– Спасибо вам за цветы, за приятный вечер, – я замолчала, снова вспомнив нашу случайную встречу, а Иван, словно прочтя мои мысли, произнес:

– Да, и спасибо за то, что чуть не сбил вас с ног, а заодно любезно окатил кофе.

Мне нравилась его тонкая самоирония, нравилось, что он умеет слушать, но не хвастается своими успехами, хотя, судя по всему, ему есть чем гордиться. Я подумала о том, что мы сейчас попросимся и больше не встретимся, и мне стало бесконечно грустно. Я понимала, что у такого умного, приятного, обходительного мужчины, скорее всего, есть семья, ну или близкие отношения. А сегодня вечером он просто хотел загладить свою вину, да и развлечься.

Помогая мне надеть пальто, он держал его несколько высоко, мне пришлось встать на цыпочки, чтобы попасть в рукава. С налетом небрежной элегантности я попыталась произвести на него впечатление, но не удержалась и неуклюже покачнулась в сторону, да так, что ему пришлось схватить меня в охапку вместе с пальто, чтобы я не упала.

– Что же вы меня сегодня все время роняете? – задыхаясь от смеха, произнесла я.

– Боже упаси! Раньше хотел просто кофе выпить, а теперь вот думал поухаживать, – произнес он, крепко обнимая меня.

– Спасибо, что напомнили о моей растерянности и неуклюжести, – продолжала я, давась от смеха и неловкости еще больше. – Можете меня уже отпустить. Постараюсь сегодня больше не падать.

Я чувствовала его сильные руки, горячее дыхание в моих волосах, и, по правде сказать, мне совсем не хотелось, чтобы он отпускал меня. Сердце мое прерывисто застучало, щеки запылали, и, опасаясь, что он почувствует мое внезапное волнение, стараясь не смотреть на него, я застегнула пальто и натянула берет. Мои волосы от влажности скрутились в упругие кольца и торчали в разные стороны.

Глядя на себя в зеркало, я с досадой произнесла:

– Опять я похожа на Петрушку.

– Неправда. У вас прекрасные волосы. Вам даже идет эта легкая небрежность.

– Стоп. Дальше не продолжайте, а то... – многозначительно показывая на пальто, как можно беспечнее произнесла я, – скажете еще, что я просто неряха.

Он рассчитался за заказ и предложил отвезти меня домой. Я с радостью согласилась, и мы вышли в тишину города. Мелкий дождь, разогнав запоздалых прохожих, продолжал танцевать по тротуарам и домам.

Легкой вуалью грусти между нами легло осознание, что этот ни к чему не обязывающий приятный вечер заканчивается, что мы просто прохожие, которых свел случай.

Его автомобиль мягко скользил по дороге. В полумраке салона витал едва ощутимый запах терпкого мужского парфюма. В закрытом пространстве я еще больше чувствовала внезапно возникшее между нами напряжение. Легкость, с которой мы общались в кафе, исчезла. С одной стороны, мне хотелось ехать рядом с ним долго-долго, а с другой, хотелось выйти из машины и идти пешком, чтобы унять эту нарастающую дрожь внутри, этот страх неизвестности и ощущение внезапной потери – потери чего-то важного, что пока не получалось описать словами, но уже чувствовалось сердцем.

Он остановил машину у подъезда и помог мне выйти. Я подняла глаза и увидела свет в наших окнах. Юлька, как всегда, ждала меня. Внезапно меня стало знобить и трясти, как школьницу на первом свидании. Я боялась, что он заметит мое волнение, и старалась не смотреть на него. Он заговорил первым:

– Надеюсь, вы не сердитесь на меня? Я вас надолго задержал, – в его голосе чувствовалась забота, которую я уже успела забыть.

Не поднимая глаз, я отрицательно замотала головой.

– Знаете, я тут подумал. А давайте в субботу съездим за город? Наша компания недалеко от города строит частный пансионат. Там очень красивое место, вокруг лес, озеро, а по дороге есть домашнее кафе, где подают вкусные блины. Соглашайтесь. Я возьму с собой сына, а вы берите дочку. Ей понравится. Там у нас живут два дружка, собака Найда и кот Петрович. Так что детям будет чем заняться, а вы погуляете, подышите свежим воздухом и отдохнете.

У меня перехватило дыхание. Вот оно, у него есть сын, а жена? Не в силах сдерживать себя, я напрямую спросила: «А как же ваша жена?»

– У нее маленький ребенок. Да и замужем она давно, во второй раз. Мы разошлись больше пяти лет назад. С сыном стараюсь общаться. Ему сейчас десять лет, вашей девочке восемь, думаю, они найдут общий язык.

Мне хотелось сказать: «Да-да, я согласна», но я сделала задумчивое лицо, словно вспоминала свой насыщенный график и обдумывала предложение. Я уже почти готова была согласиться, когда он взял мою ладонь в руки, стал легонько растирать ее, пытаясь согреть, и негромко произнес: «Ксения, Бог не сводит людей случайно. Мне очень не хочется потерять вас в этом большом городе».

От нежности его голоса и слов у меня перехватило дыхание. «Нервы совсем стали ни к черту, чуть что – сразу хочется плакать. Не хватало еще, чтобы он заметил мои слезы и решил, что я законченная неврастеничка», – думала я, а он по-прежнему держал меня за руку, ожидая ответ. Пытаясь говорить как можно спокойнее, я подняла голову к звездному небу и прошептала: «Я верю, что ничто не случайно. Я теперь знаю, что любить – это искать и видеть в другом Бога. Я не знаю, что будет в субботу, но я хочу с вами поехать. Спасибо за приглашение. Моя дочь обожает животных, она будет просто счастлива.

– Значит, решено. Я заеду за вами в субботу в десять утра.

Мне хотелось одновременно обнять его и убежать. Прижимая букет к груди, я спешно попрощалась и побежала в подъезд, не оглядываясь.

Юлька уже ждала меня и прямо у порога устроила допрос:

– Мам, а что это за влюбленный жираф рядом с тобой стоял?

– Какой влюбленный жираф? Что ты придумала? – не в силах сдержать улыбку, ответила я ей, на ходу раздеваясь.

– Такой совершенно влюбленный жираф. Я тебе сейчас покажу, – и она убежала в комнату, а через минуту примчалась с раскрытой книгой, где на всю страницу был нарисован улыбающийся жираф с большим букетом розовых цветов. А рядом стихотворение, которое так и называлось «Влюбленный жираф».

*А давайте гулять под дождем,
Целоваться до боли, до дрожи,
Чтобы каждую клеточкой кожи
Растворяться, как в счастье, в другом.*

*А давайте дарить просто так,
Без оглядки, без спроса, без цели
Все, что денег не стоит, но ценно,
И вернется, конечно, в другом.*

*А давайте однажды начнем
Жить не прошлым, не завтра – сегодня!
Отпустив все обиды, пойдем
Тех, кто любит, но ранит невольно.*

*Жизнь – стремительный бег, звездопад,
Солнца луч, серпантина дорога...
Нам бы только идти по дороге к себе.
Той, что сердце ведет – прямо к Богу.*

Дороги к счастью

*Слова поддержки нам нужны как ветер,
Несущий перемены в нашу жизнь...
И знай, с тобою мы всегда в ответе,
За все, что делал, во что верил, что любил...*

Протяжный звонок в дверь вывел меня из задумчивости.

– Кого это принесло так поздно? – пробормотала я, машинально снимая с огня джезву с кофе.

Плотнее закутавшись в старенький мохеровый палантин, я поспешила к двери. На пороге стоял сосед Костик. Его фигура заполняла почти все свободное пространство тамбура. Природа не поскупилась, одарив его видным ростом и крепким телосложением. К тому же он любил носить объемные толстовки, отчего казался былинным богатырем, затерявшимся во времени. Я не раз была свидетелем, как незнакомые люди, встречая его в сумерках подъезда, испуганно озирались по сторонам. Меня это искренне забавляло – более спокойного и миролюбивого человека, чем Костя, я, прожив полвека, еще не встречала.

Он стоял на пороге, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Его поздний визит подсказывал, что на то есть веская причина и что разговор может затянуться до самого утра, как бывало не раз. Ну что ж, скорей всего, поработать мне сегодня не удастся. «Ладно, значит не судьба», – пронеслось в голове. Глядя на его растерянный вид и пытаюсь разобрать его невнятное бормотание, я отчего-то слишком громко сказала:

– Ну, что ж ты стоишь? Заходи, заходи скорей. Ты в последний раз когда у нас был? Месяц назад, да и то забежал на минутку, поздравил Сережу с днем рождения и был таков. Почти не видим тебя, не знаем, как твои дела. Сережка расстраивается, мол, совсем ты взрослым стал и знаться с нами не хочешь. Да проходи ж ты, Боже мой, – тараторила я и буквально втащила его в прихожую. – Жаль, что Сережа на работе, он был бы рад с тобой повидаться.

– Теть Люб, так я и зашел узнать, как у вас дела. Может, помощь нужна? Комп-то шуршит, работает?

Он вскинул на меня свои по-детски голубые и ясные глаза.

Костик мне всегда напоминал большую преданную собаку. Этаким добрый лохматый сенбернар, всегда внимательно наблюдающий и ждущий ласки и одобрения хозяев. Ему было двенадцать, когда родители, не пережив очередной кризис отношений и не найдя в себе сил и желания понять и принять друг друга, развелись. После они долго делили нажитое имущество, пока, наконец, не разъехались. Косте частенько приходилось бывать судьей, миротворцем и утешителем в одном лице. Он был единственным ребенком и болезненно переживал распад семьи. Отец, которого он по-детски преданно и искренне любил, вскоре женился и почти перестал поддерживать отношения с сыном. А у матери Костика, Тамары, жизнь закрутилась колесом. То ли в отместку бывшему мужу, то ли от одиночества и страха она пыталась устроить свою судьбу каким-то странным способом. Заводила знакомства с первыми встречными, приводила их домой, потом начинались застолья, которые нередко заканчивалась вызовом соседями милиции. Жизнь семьи в одночасье разлетелась на мелкие кусочки.

С семьей Костика мы особо не были близки. Правда, благодаря добродушной соседке бабе Вере, которая любила захаживать к нам на чаек, были хорошо осведомлены о перипетиях в их семье. Взрослые, Бог с ними, пусть сами разбираются со своей жизнью, а вот мальчишку было искренне жаль.

Как-то вечером муж возился с машиной у подъезда и видел, как Костик почти нес на себе пьяную мать. Поникший, с пунцовым лицом от стыда и напряжения, мальчишка тащил ее, в то время как она, вырываясь и размазывая по щекам косметику, громко и грязно ругала всех мужиков, и, несмотря на заботу сына, ему тоже доставалось.

Жизнь порой – как ураган: налетает внезапно, сбивает с ног и рушит все на своем пути. И нет тому ни объяснения, ни оправдания. Стихийные бедствия, как правило, легче пережить всем миром. У всех беда, все стараются, помогают друг другу кто чем может. А вот дела семейные – совсем другое дело. Тут уж не принято сор из избы выносить. Каждый справляется, как умеет, если, конечно, умеет.

Подумали мы и решили помочь парнишке. Стали приглашать его домой. Попытались отвлечь, поддержать, банально накормить. А потом как-то повелось, что Костик и выходные стал проводить с нами. Мы в то время как раз начали строить дачу. Муж часто брал его с собой на рыбалку, они вместе пропадали в гараже, паренек помогал ему чинить наш вечно ломающийся раритет, гордо именуемый «мерседес».

В тот год наша дочь уехала учиться в Москву, и появление Кости заполнило пустоту, возникшую в доме.

Мальчишке нужна была опора, а для нас было важно, чтобы он окончательно не разочаровался в людях. Так и сошлись наши пути, так и жили мы почти четыре года, пока он не повзрослел.

Много забавного происходило в годы нашей дружбы. Что-то уже забылось, а что-то останется в памяти навсегда. Помню, как первый раз весной мы поехали с ним на дачу. Столько разговоров было: как хорошо там, как красиво! А когда приехали, он вышел из машины, посмотрел на горы строительного мусора, песок, камни да доски, потянулся и сказал: «Вот это красотища!» И так искренне он это произнес, с таким удовольствием, что мы с мужем до сих пор смеемся, вспоминая тот случай.

События тех лет цветным калейдоскопом пронеслись в голове и легкой грустью невозвратности легли в сердце:

– Ах, Костя, что бы мы без тебя делали? – произнесла я вслух, вспоминая, как много он нам помогал и сколько добрых и забавных историй нас связывает.

– Да что вы, тетя Люб, это я без вас пропал бы, – пробасил он в ответ.

Я усадила его за стол и, потрепав по непослушным густым соломенным волосам, вспомнила про кофе и спохватилась:

– Что у нас с тобой нещадно пропадает – так это кофе! Он и так почти остыл, а ты ж знаешь, я терпеть не могу холодный кофе. Но кофе – это для меня, а тебя я сейчас буду кормить. У меня сегодня получились отменные цепеллины. Помнишь, как ты отказывался их есть, думая, что я тебя цыплятами желторотыми кормить собираюсь?

– Как же, как же, вы меня еще тогда уговаривали, мол, они маленькие, тепленькие, со сметаной самое то! Тетя Люб, у меня до сих пор самая любимая еда – ваши шанежки с грибами и пирог с вишней.

– Ладно уж нахваливать меня. Давай я пока погрею, а ты рассказывай. Как учеба? Девочка-то, подружка, есть у тебя, может, жениться надумал?

Костя усмехнулся и уклончиво произнес:

– Я, тетя Люб, пока не встретил девушку, которая печет такие же вкусные пирожки, как вы, поэтому женитьба моя откладывается.

– А ты думаешь, что я, когда за Сережку выходила, прям такая мастерица была? Совсем нет. Мама моя, та все умела. Я ж тебе рассказывала, что она с раннего детства без матери осталась и была в семье за старшую. Тогда всему и пришлось научиться. А меня она жалела, берегла, а вот и не следовало бы. Так что замуж я выходила исключительно по большой любви, совсем не годная к семейной жизни. Но, знаешь, просто хотелось радовать друг друга, вот

и училась: и кашу из топора готовить, и шить-вышивать, а Серега помогал, как мог, а там и Ленка родилась, совместные заботы еще больше нас объединили. Господи Боже ж мой, да что я опять все о себе да о себе. Ты давай рассказывай! Жениться, значит, пока не собираешься.

Конечно, я искренне считала, что жениться ему еще рано – всего-то двадцать лет парню. Это, так сказать, был наш с ним секретный диалог, после чего мы легко переходили на обсуждение самых сокровенных и доверительных тем. Я чувствовала, что Костя зашел ко мне неслучайно, что было ему что рассказать, но ведь разве так прямо в лоб спросишь? Вот и обменивались мы с ним шутками да воспоминаниями.

Аппетит у него был как всегда отменный. «Значит, ничего серьезного не стряслось, – решила я, – может, и вправду соскучился и пришел проведать».

Кофе мне пить уже перехотелось, и я заварила чайничек зеленого ароматного улуна.

– Шанежек сегодня нет, зато есть яблочный штрудель. Я, когда пекла, подумала, для кого пеку? Видишь, как хорошо, что ты зашел.

– Ну, тетя Люб, вы, как всегда, мастерица. Когда вы только все успеваете? Я в универ, потом на работу, прихожу домой и падаю без сил.

– Знаю я, небось приходишь и снова за компьютер садишься, а там уж, конечно, падаешь без сил.

Я знала, что Костя подрабатывает в небольшой фирме по ремонту компьютеров и бытовой техники. Голова у него светлая, да и руки растут из того места, что надо, вот и взяли парня на работу, несмотря на отсутствие высшего образования.

– Кость, ты бы себя немного поберег, вон какие черные круги под глазами. Это пока молодой, тебе кажется, что организм все выдержит, а у тебя сердце слабое, тебе переутомляться нельзя.

За внешней силой Костика скрывалось не только доброе сердце, но еще и болезнь. В четырнадцать лет он сильно вытянулся, а сердце не успевало за активным ростом организма, да и уход отца, проблемы с матерью – все сложилось воедино. Вот и сбился у паренька сердечный ритм. Мы тогда сильно переволновались, да и мать его Тамара тоже. Правду говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Уж не знаю, то ли страх потерять сына, то ли сама устала от такой жизни беспутной, а пьянки в доме прекратились. Со временем работа сердца наладилась, но врачи предупреждали о коварстве этой болезни и говорили, что в любой момент может произойти сбой и проблемы вернуться.

Накормив его, я разлила по большим чашкам ароматный чай и села напротив, чтобы удобнее было разговаривать. Я смотрела на него и замечала, как неумело он скрывает волнение, как запинаясь на полуслове, вздыхает и собирается с силами, чтобы сказать, видимо, что-то важное для него. Видела, но никак не могла подвести его к этому разговору.

– А как Лена поживает? Устроилась на работу? – он снова задал дежурный вопрос.

– Ой, Кость, ты же знаешь, у нее всегда все хорошо. Соседи по квартире скандалят, так она говорит, что это хорошо, мол, так она воспитывает в себе терпение и учится на чужом опыте, чтобы в будущей семейной жизни ошибок избежать. Нет чтобы на хороших примерах училась! Она только смеется и отвечает, что на плохих она учится быстрее. Работу потеряла. Позвонила мне и говорит: «Вы с папой не волнуйтесь, но меня сократили. Да, и еще на работе сапоги украли». И ты представляешь, она мне заявила: «Мамочка, я так рада, что они кому-то приглянулись, а то мне они поджимали, а выбросить рука не поднималась. Теперь придется новые покупать, только уже по размеру». Ну вот что с ней делать?

Я смотрела на Костю и видела, как в его глазах загораются озорные огоньки. Он широко улыбнулся и по-детски просто произнес:

– Не волнуйтесь, тетя Люб, Ленка находчивая. Вы ж знаете, она просто так никогда не сдастся. Все у нее будет хорошо.

Мы сидели друг напротив друга и молчали, а в окно застучали тяжелые капли промозглого ноябрьского дождя.

– Знаешь, Кость, я так волнуюсь за нее. Она же с раннего детства мечтала петь в опере. Столько лет занималась, две школы тянула, сольфеджио ненавидела, но терпела, а сколько конкурсов у нее за плечами. Сама поступила в консерваторию, училась и работала, закончила с отличием, а теперь вот на работу берут только в музыкальную школу. Говорила я ей, что нужно выбирать более надежную и денежную профессию, а она меня все убеждала, что главное – любить дело, которому посвящаешь жизнь. Помню, она мучает фортепиано, а соседи в стенку стучат. Однажды тетя Нюра, которая под нами живет, меня остановила у подъезда и говорит: «Люба, когда ваша дочка петь научиться? Все голосит только» – это Ленка каждый день распевалась.

– Ленка молодец! Вы только верьте, и она обязательно добьется всего, о чем мечтает, – в его словах было столько заботы и мудрости, что мне стало не по себе.

– Ох, Костя, одного желанья мало. Жизнь прожить – не поле перейти. Сколько судеб разбилось о рифы реальности. И дело вовсе не в отсутствии таланта. Талантливых много, да удача улыбается не всем.

– А я думаю, – сказал он, став вдруг серьезным, – что удача как раз улыбается тем, кто верит в себя и идет за своей мечтой. Лена талантливая, молодая, настойчивая – она добьется успеха. И вам нужно верить в нее!

– Ох, непросто все в жизни. Ты знаешь, я ведь тоже когда-то бредила журналистикой. Представляла, как беру интервью у известных людей, как освещаю разные культурные и политические события, разъезжаю по всей стране. Да что по стране, по всему миру! – выпалила я на одном дыхании и замолчала.

В голове снова пронеслись назойливые тревожные мысли, которые Костик прервал своим вопросом:

– А почему не стали? Не поступили?

– Да, нет, поступила и выучилась. А после встретила Сережу, поженились, Ленка родилась. А потом поняла, что та жизнь, о которой я мечтала, и семейная жизнь – несовместимы. Тут уж или журналистике себя полностью отдаешь, или семье. Семья для меня была важнее. Ты же знаешь, Сережа – военный. Сначала мы жили на Дальнем Востоке, потом его перевели служить в закрытую часть под Новосибирском, там и Леночка родилась. Родители далеко, приходилось справляться со всем самостоятельно. Ленка пошла в сад, а я устроилась работать в школу, преподавала русский язык и литературу. Десять лет мы там прожили, а потом сюда переехали. По молодости еще пыталась печататься, посылала свои статьи в местные газеты, иногда даже публиковали. Одно время в военной газете даже постоянную рубрику вела – «Гарнизонные вести». Но это было недолго. Переехали сюда, снова пришлось обустроиваться. Да это все уже на твоих глазах было, сам знаешь. Вот так знания растерялись, уверенности поубавилось, да и усталость накопилась, – я замолчала и задумалась. – А может быть, ты и прав, просто не хватило у меня веры. Может быть, не было мое желание настоящим?

В воздухе снова повисло молчание. Каждый задумался о чем-то своем, о том, что непросто выразить словами. В напряженной тишине стали отчетливо слышны стук тяжелых капель о стекло и тиканье часов в прихожей. Звук дождя и ритм часов словно продолжили наш разговор. Молчание не тяготило нас. Я заметила, что с теми, кто по-настоящему близок, молчать легко, как и продолжать разговор после затянувшейся паузы.

– Теть Люб, я завтра забираю документы из универа и через десять дней уезжаю. Уезжаю далеко и, надеюсь, надолго, – произнес он, не глядя на меня.

Сказал спокойно, словно и не было в этом судьбоносного решения, которое кардинально изменит его жизнь.

– А мать в курсе? – спросила я первое, что пришло в голову.

– Пока нет. Я ведь пришел к вам не попрощаться, а посоветоваться.

– Что-то не припомню, чтобы ты со мной советовался, когда принимал решение бросить университет, доучиться-то тебе осталось всего полтора года, или когда решил уехать, – говорила я все это без сарказма, без злобы и обиды, просто не знала, что ему ответить, что сказать, вот и тянула время, как могла.

– Так я ведь не сомневался, когда решил уехать, я знал, что хочу этого. А если бы пришел к вам с дядей Сережей советоваться, то мог бы и засомневаться. Вы бы меня стали уговаривать закончить учебу, не оставлять мать одну. А вы же знаете, как я вас уважаю, вот и испугался, что передумаю, а потом буду жалеть.

И мы снова замолчали. Я знала, что он говорит искренне, понимала, что раз пришел, значит, ему действительно нужен совет. Но внутри боролись сомнения и противоречия.

– Расскажи хоть, куда собрался? С чего вдруг решил бросить учебу? Почему далеко, да и что за идея уехать, оставить мать одну? Давай, выкладывай все как на духу. Чувяло мое сердце, что не за пирожками ко мне пришел.

– Да уж, пирожки тут ни при чем, – смущенно улыбаясь, произнес он.

Он смотрел в темноту за окном, словно пытался найти там подсказки, тяжело вздохнул и наконец стал говорить:

– Помните, я рассказывал, что летом мы с ребятами ходили в байдарочный поход? Мы тогда попали в небольшую полузаброшенную деревеньку и помогали восстанавливать дома. Теть Люб, в общем, есть одна идея, ее придумали давно, но у нас мало кто берется такое воплощать. Потому что много сложностей – от бытовых и финансовых до бумажной волокиты. А идея такая: взрослые организуют поселение для детей-беспризорников. Они там все вместе живут. Сами все делают: дома строят, огороды разбивают, в футбол учатся играть и готовить, убирать, в общем, дети учатся настоящей жизни. Мы познакомились там с одной семейной парой. Несколько лет назад они купили пару домов в Захаровке, эта та деревушка, где мы остановились, взяли семерых ребят-беспризорников и живут с ними там большой семьей. Знаете, мы вообще-то там случайно оказались. На третий день нашего сплава на крутом пороге перевернулись. Все вещи, что с нами были, продукты, документы, мы перевозили в байдарке, а когда перевернулись, они утонули. Ребята с другой лодки нас самих еле вытащили. Ближайший населенный пункт – деревенька Захаровка, мы туда попросились на ночлег, там и познакомились с Сашей и Женей. Они нам помогли, накормили, приютили. Саша в прошлом спортсмен, но из-за травмы колена ему пришлось оставить спорт, и вместе с женой они решили помогать детям, у которых никого нет. Его жена, Женя, учительница. У них своих двое детей, Алешка и Лиза, а теперь еще и семеро приемных. Они уже так несколько лет живут, почти обустроились. Летом к ним еще одна семейная пара из Москвы приехала жить. Так они решили создать поселение и школу в деревне построить, чтобы ребятам не нужно было далеко ездить. Хотят еще ребят под опеку взять из детских домов. Мы с ними с тех пор постоянно общаемся. Знаете, вот вроде у них и забот полот рот, комфорт минимальный, а они не жалуются, наоборот, у них глаза горят, планов громадье, им дети в радость, а детям в радость, что они нужны кому-то в этой жизни. Как бы это объяснить? Там все какое-то настоящее... Простое, но настоящее. Они умеют радоваться мелочам. Вот мы к ним нагрянули, как снег на голову, а они обрадовались, словно мы их гости долгожданные. Мы с ребятами сами напросились помогать им по строительству. Просто хотелось подольше с ними пообщаться.

Он долго и подробно мне рассказывал. Пояснял, вспоминал забавные эпизоды, смеялся. И по его горящим глазам я видела, что он действительно был там счастлив.

– Знаете, я, когда мальчишек учил силки на рыбу ставить или змея запускать, часто вспоминал дядю Сережу. Это же он меня всему научил. А теперь вот я учил ребят, и им нравилось. Мы в Захаровке всего десять дней прожили, а теперь кажется, что там целая жизнь прошла.

Он вздохнул и снова улыбнулся, видимо, вспоминая что-то хорошее. Я смотрела растерянно на него, до конца не осознавая услышанное. Я ожидала всего чего угодно: что он решил уехать работать за границу в Европу или в Америку, там программисты высоко ценятся, ну или, в конце концов, в Москву, а он с упоением рассказывает мне о жизни в заброшенной деревеньке на болоте среди беспризорников. Я смотрела и понимала, что он серьезен как никогда. Что это не просто приключение, это тайна, которую он хранил, и мечта, которую он несет в своем сердце и сейчас доверяет мне. Я не осознавала до конца глубину этой идеи, но смотрела и видела не вчерашнего мальчишку, нашего Костика, а взрослого человека. Я чувствовала, что отговаривать его бессмысленно, что он уже принял решение, но все-таки попыталась.

– Подожди-подожди, ты хочешь сказать, что, не получив высшего образования, бросишь учебу и уедешь в тьмутаракань воспитывать детей, которые своим-то родителям не нужны?

Мгновенно его глаза потемнели, взгляд стал тяжелым и грустным, как у брошенного пса.

– Костик, послушай, ты мне как сын. Тебе, может, это не нравится, но ты просил дать совет, и поэтому я задаю тебе вопрос, на который ты должен дать ответ самому себе, да и нам.

Последнее я произнесла уже менее уверенно.

– Я понимаю, тетя Люб, все понимаю. Но если подумать, ну получу я диплом и что? Все, что я знаю о компьютерах, я изучал сам, по ремонту тоже до всего доходил опытным путем, так что универ мне для этого вовсе не нужен. Ну закончу я учебу, а потом что? Идти работать, чтобы заработать? Я не хочу работать ради денег, пусть даже больших. Понимаете, я хочу, чтобы моя жизнь была кому-то нужна и для кого-то важна. Может быть, я не смогу воспитывать чужих детей, но я научу их работать на компьютере, буду помогать им хотя бы заготавливать дрова, носить воду, строить школу, научу их плавать на байдарке, а они меня научат чему-то другому.

– Кость, это все очень неожиданно для меня. Я в растерянности и прямо не знаю, что сказать. А мать? Ты для нее единственная опора, и что, уедешь и оставишь ее одну? Она так гордится тобой, надеется на твою помощь.

– Тетя Люб, я все понимаю. Вы хорошо знаете, как тяжело мы жили. Потом вроде мать образумилась, работает, почти не пьет. Я знаю, что у нее появился какой-то мужчина, я их видел несколько раз. Вроде нормальный, не из таких, как раньше. Только после всего пережитого она боится, да и меня стесняется. Сам слышал, как она подруге говорила, что не может привести в дом мужчину, когда рядом взрослый сын. А теперь сможет.

Я понимала, что в его словах есть доля истины. Но пока не могла принять идею его отъезда, она казалась нереальной. Наш продвинутый Костик, вчера еще ребенок, через несколько дней бросит все и уедет. Это не укладывалось в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.